

Muzykalny Sovremennik. 1917, No. 19, p. 12.
Музыкальный Современник. 1917, № 19, с. 12.

[...] After a two-week hiatus—during which we effectively leaped two centuries forward—Moscow’s musical life resumed alongside the city’s regular daily routine. On March 13th and 25th, Koussevitzky held special concerts, both featuring Rachmaninoff as soloist. The first program consisted of works by Tchaikovsky (the first movement of “Manfred”, the Fifth Symphony, and the Piano Concerto in B flat minor), while the second included Liszt’s “Les Préludes” and Piano Concerto in E flat major, as well as Scriabin’s “Poème de l’extase”. The focal point was Rachmaninoff, who almost never performs works by other composers—though he did play the Tchaikovsky concerto several years ago at a concert organized by the now-defunct Philharmonic Society. Tchaikovsky’s muse, so close to Rachmaninoff’s own sensibilities, found an exquisite interpreter in him: from the extraordinarily powerful opening chords to the ethereal passages of the finale, the performance was imbued with gentle lyricism, brilliance, enchanting sonority, a commanding and compelling rhythm, and an astonishingly effortless mastery of every technical “stumbling block.” Naturally, the performance ignited a storm of enthusiastic acclaim. Koussevitzky conducted the symphony with great fervour—especially the final two movements. “Manfred” was less successful; its somewhat lacklustre sonority was likely due, in part, to the acoustic conditions. Regarding the second concert—specifically the Rachmaninoff—it is doubtful that anyone, since the days of the great piano virtuosos—days that have now become almost “legendary”—has heard such a dazzling performance. It featured a combination of fiery impetuosity, transparent lightness, and a powerful, full-bodied sound; one might have thought this was the absolute pinnacle—yet the subsequent performance of Liszt’s Rhapsody No. 12, with its unbridled sweep, richness of colour, and dizzying tempo in the passages, created an indescribable atmosphere—a true “celebration of art.” The concert concluded with Scriabin’s tone poem “Le Poème de l’extase” (“The Poem of Ecstasy”). This work—one of Koussevitzky’s finest achievements—was rendered with even greater subtlety and virtuosity than in previous performances, earning the conductor a tremendous success. [...] M. L.

[Translation: Google]

[...] Послѣ двухнедѣльнаго перерыва (за время котораго мы шагнули на 2 вѣка впередъ) параллельно нормальному жизненному укладу Москвы возобновилась и ея музыкальная жизнь. 13-го и 25-го марта состоялись экстренные концерты Кусевитцаго, съ Рахманиновымъ-солистомъ въ обоихъ. Первый, изъ произведеній Чайковского (Манфредъ 1-ая часть, 5-ая симфонія, концертъ b-moll), 2-й — изъ „Прелюдій“, концерта Es-dur Листа и „Экстаза“ Скрябина. Центр тяжести — Рахманиновъ, почти никогда не выступающій съ произведеніями другихъ авторовъ; впрочемъ, концертъ Чайковского имъ былъ исполненъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ концертовъ нынѣ покойныхъ собраній Филармоническаго О-ва. Столь близкая Рахманинову муза Чайковского нашла въ его лицѣ превосходнаго исполнителя: съ первыхъ необычайно могуче прозвучавшихъ аккордовъ до воздушныхъ пассажей финала все полно было мягкой лирики, блеска, очаровательной звучности, властнаго покоряющаго ритма и удивительно легкаго преодоленія всѣхъ техническихъ „каменей преткновенія“. Исполненіе вызвало, конечно, цѣлую бурю восторговъ. Съ большимъ подъемомъ провелъ Кусевитцкій симфонію (особенно 2 послѣднихъ части); меньше удался Манфредъ: въ его нѣ-сколько вялой звучности, видимо, повинны частью и акустическія условія. Говоря о второмъ концертѣ — въ частности о Рахманиновѣ — думается, что врядъ ли со времени, ставшихъ почти „легендарными“, времени

корифеевъ піанизма, кому-либо приходилось слышать такое ослѣпительное исполненіе, такое соединеніе огненной стремительности съ прозрачной легкостью и мощной полнотой звука казалось, что это – предѣлъ, но исполненная затѣмъ 12-я рапсодія Листа безудержнымъ размахомъ, богатствомъ красокъ и головокружительнымъ темпомъ пассажей создала непередаваемое настроеніе, которое можно назвать „праздникомъ искусства". Концертъ закончился поэмой „Экстаза" Скрябина. „Экстазъ", — одно изъ лучшихъ достиженій Кузевицкаго - на сей разъ прозвучалъ еще тоньше, еще болѣе виртуозно, чѣмъ въ одномъ изъ предыдущихъ концертовъ и создалъ дирижеру огромный успѣхъ. [...] М. Л.